

ЭТИКА КАНТА В СВЕТЕ СПЕЦИФИКИ МОРАЛЬНОЙ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ

Этическое учение Иммануила Канта является одним из наиболее выдающихся домарксистских учений о нравственности. Оно и сейчас продолжает привлекать внимание теоретиков морали — как буржуазных, так и марксистских. Со стороны марксистов этика Канта подвергалась серьезной критике, в ходе которой были указаны такие ее коренные пороки, как идеализм и априоризм, формализм, ригоризм и другие. Вместе с тем, в марксистской литературе отмечают и ее определенные достоинства, рациональные моменты, представляющие теоретическую ценность¹.

В настоящей статье рассматриваются вопросы, касающиеся отношения этики Канта к отражаемому ею предмету — специфическим особенностям моральной формы сознания.

Характер философского и этического учения Канта обусловлен исторической обстановкой, социальными и идеологическими факторами. В усложненной, запутанной и противоречивой форме, в которую под их влиянием вылилась этическая теория Канта, не могли не отразиться некоторые существенные черты предмета, результатом исследования которого она вместе с тем являлась. Как известно, идеализм — это следствие доведения до абсолюта какой-либо реальной «черточки познания», той или иной грани реального объекта. Недостаточно отвергнуть этот абсолют, необходимо найти элемент действительности, из которого, как из своего корня, он вырос. Это важно как для понимания сущности и происхождения теории, так и для дальнейшего исследования самого предмета.

Как известно, центральным в этике Канта является понятие морального закона — категорического императива. Согласно Канту, моральный закон не обусловлен эмпирически, а априорен и чисто формален. По содержанию закон этот включает три основных мо-

¹ Марксистский анализ этики Канта с наибольшей полнотой дан во вступительной статье В. Ф. Асмуса к 4-му тому шеститомного издания сочинений И. Канта, а также в его статье о философии Канта, помещенной в «Философской энциклопедии». Весьма интересной представляется характеристика этических взглядов Канта и в статье Э. Ю. Соловьева «Знание, вера и нравственность» в сб. «Наука и нравственность». М., 1971.

мента: 1) требование следовать такой максиме (правилу) воли, которая могла бы быть всеобщим законом, 2) всегда относиться к личности как к цели, 3) представление о воле, устанавливающей всеобщие законы.

Канту казалось, что им сформулирован эмпирически необусловленный и формальный закон. Однако необходимо различать то, что сознательно хотел доказать мыслитель, и действительное содержание его теории. Прежде всего очевидно, что априорного знания вообще быть не может, что кантовский моральный закон имеет под собой вполне определенные эмпирические основания. Хотя он выступает как закон «чистого практического разума», воли как таковой, якобы «независимой от материи желаний», от каких-либо определенных целей, к достижению которых она стремится, на самом деле воля также дана познанию в опыте, поскольку она проявляется в человеческих поступках, и именно из их анализа только и можно прийти к понятию моральной воли и ее закона. Закон этот выражает отношение единичной воли ко многим другим волям, ибо он по своему существу есть общий закон, то есть закон для всех, закон взаимоотношений между людьми. Факт существования многих людей, находящихся в общении между собой,—это нечто вполне эмпирическое, что не могло бы содержаться в логике изолированного индивидуального разума. Вместе с тем, поскольку Кант рассматривает единичную волю как законодательствующую, создающую общественные законы, он фактически предполагает общественную природу этой воли, то есть исходит из еще одного эмпирического факта. Категорический императив требует, чтобы каждый руководствовался лишь общественно значимым законом, основанным на необходимости существования общества, следовательно, имеет своей целью обеспечение общения между людьми и тех форм, в которых это общение выступает. Это значит, что категорический императив не так уж формален, как это должно быть по замыслу Канта и как это может показаться на первый взгляд.

Категорический императив (в его первом значении) требует, чтобы человек действовал в соответствии со всеобщим правилом. Действительно, эта формулировка, в которой Кант выразил сущность морального закона, слишком абстрактна и формальна, ибо не дает указания на то, в чем же, хотя бы в самом общем виде, состоит содержание тех всеобщих правил, которым должно соответствовать моральное поведение. Однако, такова лишь внешняя, видимая сторона этой формулировки. В ней заключается еще и скрытое (в частности, и от самого ее автора), явно не выраженное содержание.

Как понимать, что моральный поступок должен соответствовать общему правилу? Какова возможная альтернатива такому требованию? Правило может быть общественно значимым (то есть по су-

ществу соответствующим интересам общественной формы как таковой, целям взаимного общения между людьми) или выгодным только данному индивиду. Следовательно, требование поступать по общему правилу означает тем самым запрещение руководствоваться личной выгодой, противостоящей общим интересам.

Какое правило может быть всеобщим? Такое, которое полезно всем и каждому, то есть основано на единстве, совпадении общего и личного блага. Каждому, например, выгодно правило, по которому должны быть возвращены деньги, данные в долг (пример Канта). Но оно полезно и всем, ибо охраняет необходимый (для определенных исторических условий) общественный институт. Но если кто-либо живет воровством, то это правило его поведения не может быть всеобщим, ибо если никто не будет производить, то нечего будет и воровать. Кант прав даже в том, что действительно никто не может хотеть, чтобы правило подобного поведения стало всеобщим. Но сейчас для нас главное не в этом, а в установлении того, что категорический императив фактически подразумевает необходимость поступать в соответствии с общим благом, что в основе этической теории Канта лежит проблема соотношения личного и общего блага, то есть действительно центральная проблема этики, и что в категорическом императиве получает определенное выражение нравственное решение этой проблемы, зафиксированное в форме всеобщего закона.

Моральный долг, в форме которого выступает категорический императив, следовательно, также чисто формален лишь с одной, внешней стороны, по существу же он имеет определенное, хотя и очень абстрактное, содержание, ибо противопоставляется личному как общественно значимое, иначе говоря, направлен на обеспечение общего блага. Об этом В. Ф. Асмус пишет: «И все же в учении Канта о долге была сторона, переступившая за порог пустого формализма системы. Этой стороной был взгляд на отношение между велением долга и стремлениями, которые действуют в человеке наперекор создаваемому им долгу... Как бы ни склоняли человека на свою сторону интересы и влечения, противоречащие долгу, они должны быть побеждены...¹».

Кантовский моральный закон также формален в том смысле, что не выражает никакого конкретного исторического содержания. Мораль понимается Кантом как абстрактно-общечеловеческая, внеклассовая. Бесспорно, что этике Канта присущи коренные недостатки, которые были указаны классиками марксизма.

Но абстрактный и формальный подход Канта к проблеме морального закона имел своим результатом и нечто положительное: определение всеобщей и вместе с тем специфической формы морального сознания. Само это определение страдает отмеченным выше

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 64.

формализмом, связанным с особенностями кантовского мировоззрения, но, несмотря на этот «сверхформализм», формализм «второго порядка», в первой формулировке категорического императива ухватывается само существо дела.

В чем причина этого «сверхформализма»? Идея, согласно которой целью морали является обеспечение общего блага, выдвигалась и до Канта, в частности, в новое время такими мыслителями, как Бэкон, Гоббс, Шефтсбери, Гольбах, Гельвеций, и другими. Заслуга Канта, таким образом, состоит не в осознании специфической функции морали — это было сделано его предшественниками. Но он теоретически поставил проблему морального закона, сделал попытку построить этику как логически стройную систему и тем самым поднял этическое мышление на более высокий научный уровень. Кант не смог успешно решить поставленные перед ним задачи. Его колоссальная система оказалась расколотой неразрешимыми противоречиями, обусловленными дуализмом и идеализмом ее философских основ. Одним из основных недостатков этой системы явилась элиминация общего блага как цели морального закона, что придало последнему крайне формалистический характер.

Почему же Кант отказался от столь важного завоевания этической мысли? В конечном счете это было обусловлено социально-историческими причинами. Общественная жизнь, под влиянием которой складывались этические взгляды Канта, не способствовала обнаружению общих интересов, вокруг которых индивиды могли бы объединяться в совместной деятельности. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, отмечая, что состояние Германии в конце прошлого века полностью отражается в кантовской «Критике практического разума», пишут: «Добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров, мелочные интересы которых никогда не были способны развиваться до общих, национальных интересов класса...»¹

Трезво оценивая это положение вещей, Кант приходил к выводу, что не существует реального общего блага, объединяющего людей в общественное целое, а поэтому в эмпирически наблюдаемой действительности нет основания для морального закона. Это основание, следовательно, надо искать лишь в природе самого сознания.

В центре кантовской мысли находилась проблема достоинства личности, ее нравственной ценности. «Исходной предпосылкой этики Канта,— пишет В. Ф. Асмус,— является сложившееся у него под влиянием Руссо убеждение в том, что всякая личность — самоцель и ни в коем случае не должна рассматриваться как средство для осуществления каких бы ни было задач, хотя бы это были задачи всеобщего блага»².

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 182.

² Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962, с. 423.

Идею блага личности как конечной цели Кант включил в содержание морального закона (вторая формулировка категорического императива). Правда, он не рассматривает вопроса о связи ее с первым требованием морального закона. Эта связь осталась за пределами его исследования. Однако заслуга Канта в том, что он уловил и зафиксировал ее.

Если бы Кант выразил подлинное содержание первого требования — необходимость руководствоваться общим благом, — перед ним встала бы проблема соотношения последнего с личным благом, которая была для него неразрешимой. Он не мог пойти на то, чтобы подчинить личное благо общему. Для этого его позиция была слишком индивидуалистичной. Но он не мог стать и на точку зрения приоритета личного блага — это явно противоречило бы природе нравственности. Таким образом, у Канта не было оснований анализировать проблему общего блага. Он должен был исключить это понятие из своей системы¹.

Важно отметить, что Кант был прав, отказываясь видеть в общем благом специфическую цель морального сознания. Этой целью является не общее благо само по себе, а его гармоническое соотношение с личным благом, единство между ними при первенстве общего блага. Но указанное единство нельзя исследовать, не вводя в рассмотрение категорию общего блага.

Возможно, что это явилось одной из главных, если не единственно главной, гносеологической причиной тех непреодолимых трудностей и противоречий, которые он сам создал и вместе с тем пытался преодолеть с помощью сложившейся и хитроумнейшей, но в корне ошибочной теоретической конструкции.

Не найдя основы морального закона в реальном мире, Кант должен был создать в своем воображении второй мир — мир непознаваемых «вещей в себе», к которому и относится неведомый источник морального закона. Этот закон, следовательно, априорен. Чтобы отделить его от «эмпирического мира», Кант попытался лишить его всякого реального содержания, в чем, конечно, не мог полностью преуспеть. Как внешне ни формалистичен этот закон, в нем не могли не сохраниться элементы его действительного содержания, ибо в конечном счете Кант не выдумал его из ничего, но абстрагировал от реальной действительности, хотя процесс этого абстрагирования остался неясным для самого его творца.

Следует отметить, что в кантовском моральном законе не только отразилось требование обеспечения блага общества, но получило

---

¹ Однако он смог сделать это лишь внешним образом. Внутренне же, неосознанно, Кант исходил из идеи общего блага как ведущего момента моральности. Подчас он, видимо, незаметно для самого себя, обнаруживал это скрытое понимание. Так, в одном месте «Основ метафизики нравственности» Кант соединил понятие общепольного и сообразного с долгом как равнозначные (Кант И. Соч., т. 4, с. 233).

выражение и исходное, ведущее значение этого требования, ибо оно составляет содержание первой, исходной формулировки категорического императива. Хотя важнейшей этической идеей Канта была идея ценности человеческой личности, идея гуманности, он поставил ее в структуре закона на второе место, тем самым правильно раскрыв природу моральности.

Категорический императив формален, поскольку он не отражает конкретного содержания, определенных исторических условий. Кант не конкретизировал свой моральный закон до уровня жизненного принципа, которым люди могли бы руководствоваться в своем поведении. За это он подвергался справедливой критике.

Но следует ли понимать эту критику как отрицание всякого значения общего морального закона, получившего выражение в категорическом императиве Канта? На наш взгляд, такое понимание было бы неверным.

Общий моральный закон относится к форме морального сознания и постольку носит формальный характер.

Но если мы имеем общий закон данной области явлений, то он может быть формальным лишь по отношению к особым, частным проявлениям, а не ко всей области, взятой в целом. Бессодержательной формы не существует вообще. Не является бессодержательным и общий моральный закон.

Моральный закон формален в том смысле, что еще не составляет принципа поведения, конкретно значимого для данных общественных условий. Чтобы сформулировать принцип поведения, применимый к конкретным условиям, надо знать, о каких интересах какого общества, какого класса и какой личности идет речь. Все это конкретное содержание не фиксируется в общем моральном законе. Но зато в нем зафиксировано общее моральное содержание, то, что является общим для всех моральных норм и что делает их как раз моральными нормами. Без этого общего они столь же мало могут выполнять свое специфическое назначение, сколь и без особенного, частного, конкретно-исторического содержания. Более того, именно моральный закон определяет способ, посредством которого конкретно-историческое содержание принимает форму моральных норм. Поэтому он не безразличен для морального сознания, не является пустой, ничего не значащей формой.

Признание общего морального закона само по себе не ведет к точке зрения абстрактно-общечеловеческой, надклассовой, вечной и неизменной морали. Мораль, формируясь под влиянием конкретных условий, всегда носит определенный исторический характер. Ее нормы, если они и сходны по внешнему выражению, по содержанию могут глубоко различаться и даже противоречить друг другу.

В основе всякой морали лежит предпочтение общественного (классового — в классовом обществе) интереса личному. По словам Г. В. Плеханова, «вся возможная здесь разница сводится к тому,

что именно представляет собой то целое, интересы которого ставятся в данном случае выше интересов отдельных лиц»¹.

Поскольку интересы противоположных социальных объединений (общественных систем, классов) противоположны, то противоположны и их нравственные принципы. Так, долг в его буржуазном понимании требует служения интересам капитала, тогда как долг в нашем понимании состоит в борьбе за коммунизм.

Но в любом случае понятие долга означает необходимость исходить из общих интересов как высших интересов, которым личность подчиняет свои частные цели. Такое общее понимание долга имеет абстрактное, формальное значение, но это отнюдь не означает его бесполезности. Оно важно, например, для того, чтобы отличать, что вообще может быть долгом, а что быть не может. Нельзя, в частности, относить к области морали, должного нормы достижения личного успеха, носящего сугубо индивидуалистический характер, не ориентирующие личность на соблюдение интересов других людей, общества. Категорический императив Канта, как видим, правильно намечает критерий выделения сферы моральных прав, и в этом один из его рациональных моментов.

Из-за недостатка места мы не можем здесь рассмотреть другие аспекты этического учения Канта. Отметим лишь, что оно содержит ряд ценных идей, которые необходимо использовать в критически переработанном виде на основе исходных принципов марксистской этики. Так, одним из важных в научном отношении элементов кантовской этики является критика эвдемонизма. Кант убедительно показал, что принцип личного счастья не может быть исходным пунктом этической теории. При этом он абсолютизировал противоречие между моралью и счастьем, полностью исключая из счастья моральную удовлетворенность. Но и здесь он, в противовес общим декларациям, подчас высказывал противоположную точку зрения². Кант был прав, утверждая, что «моральная цель должна быть бескорыстной»³. Тем самым он выявил одну из специфических особенностей моральной формы сознания. Рациональным является и предложение заменить понятие высшего блага в самом общем значении понятием полного блага⁴. Ценные моменты содержатся в учении Канта о моральной свободе и в других частях его этической теории.

Следует, конечно, иметь в виду опасность недостаточно критического использования идей кантовской этики. Нам представляется, что элементы именно такой недостаточной критичности содержатся в работах О. Г. Дробницкого. Так, автор, например, считает, что

¹ Плеханов Г. В. Избр. философские произведения в 5-ти т. Т. 4. М., Госполитиздат, 1958, с. 259.

² См.: Кант И. Соч., т. 4(1), с. 447—448, т. 4(2), с. 328.

³ Кант И. Соч., т. 4(2), с. 67, примечание.

⁴ Там же, т. 4(1), с. 441.

в логике морального сознания форма долженствования доминирует над ценностными формами представления¹. Это не что иное, как возврат к кантовской идее о «долге ради долга». Но в чем состоит долг, чем определяется содержание должного? На этот вопрос нельзя ответить, если не признать, что само должное в моральном сознании определяется представлением о ценности, являющейся целью морального поведения, то есть о благе личности и общества, о гармонии личного и общественного (классового), выражаемой в понятии добра. Если же это так, то ценностный момент оказывается доминирующим над моментом долженствования, а не наоборот, как считает О. Г. Дробницкий. Автор сам же критикует Канта за то, что, поскольку у него всякая цель вытекает из морали, то сама мораль «уже ни на чем не основывается». «Если должное предшествует всякой практической цели человека, то само долженствование оказывается не только бесосновательным, но и неопределенным, лишенным содержания, формальным и в конце концов чистым произволом...»². Критика вполне справедливая, но в определенной мере она относится и к самому автору, выступающему вслед за Кантом против «подавляющего большинства теорий морали», которые предписания к действию выводили из понятия блага (а не из должного)³.

О. Г. Дробницкий присоединяется также к положению Канта о том, что свобода воли — допущение самого морального сознания. «В логике морального сознания,— пишет он,— понятие свободы выбора вытекает из долженствования, а не наоборот, как было принято считать в домарксистской этике»⁴. Автор, по-видимому, следует и за кантовским отрицанием психологического детерминизма, утверждая, что «тайна свободной воли не внутри механизмов человеческой психики, а в том слобе, каким личность относится к общественной реальности»⁵. При этом имеется в виду, что человек «как сознательный и волящий субъект ... постоянно выходит за пределы внутренних механизмов собственной психики»⁶. Но социальный детерминизм не противоречит психологическому, а проявляется в нем. Поэтому такое противопоставление вряд ли правомерно. Свобода воли — свойство человеческой психики, являющееся условием возможности морального поведения. Конечно, моральная свобода — проявление нравственности и постольку вытекает из факта ее существования. Но, с другой стороны, без объективных возможностей нравственного по-

¹ Автореферат докторской диссертации О. Г. Дробницкого «Моральное сознание», с. 26, а также его статья «Теоретические основы этики Канта» — В кн.: Философия Канта и современность, М., «Мысль», 1974, с. 145.

² Философия Канта и современность. М., «Мысль», 1974, с. 146—147.

³ Там же, с. 145.

⁴ Автореферат докторской диссертации, с. 28—29.

⁵ Философия Канта и современность, с. 126.

⁶ Дробницкий О. Г. Научная истина и моральное добро. — В кн.: Наука и нравственность. М., Политиздат, 1971, с. 290.

ведения последнее не могло бы осуществляться, а общая способность человеческой воли управлять поведением — психологическая предпосылка моральной свободы. Поэтому нельзя согласиться с тем, что моральная свобода — «допущение» или продукт самого морального сознания.

В одной из своих работ О. Г. Дробницкий высказывает мысль о необходимости «дополнить» (кавычки автора), «выводы науки принципами нравственности», пониманием того, «во имя чего живет человек». В этом смысле мораль и наука несводимы друг к другу...¹ С этой мыслью вряд ли можно согласиться. Она соответствует кантовской концепции априорности морального закона, а значит, недоступности такового для научного познания. Но с марксистской точки зрения принципы морали сами должны быть научно выведены и обоснованы. Поэтому науку не следует дополнять принципами морали как чем-то, стоящим вне ее досягаемости. В объекте морального отражения нет ничего принципиально не доступного для этического познания. Мораль образуется на той же основе, на которой ее теоретически строит марксистская этика. Таким образом, наука не нуждается в том, чтобы ее «дополняли» моралью. Те цели и идеалы, к которым моральное сознание приходит интуитивно-эмпирически, наука открывает и формулирует теоретически. Поэтому скорее наука должна «дополнять» мораль, внося в нее полную ясность, строгость и обоснованность, ускоряя ее развитие и тем самым способствуя устранению несоответствий между нею и действительностью. В нашу эпоху коренных социальных преобразований значение этики в этом отношении в огромной степени возрастает. Однако, чтобы выполнять функцию ускорителя морального прогресса, она сама должна быть в достаточной мере разработанной наукой, должна быть поднята на более высокий теоретический уровень.

Критическое использование этических идей И. Канта является одним из условий успешного решения этой задачи.

---

¹ См.: Философия Канта и современность, с. 123.